

ШРАМ БОГА

Алексей Ник

Резонанс Мира

Aleksey Nik

ШРАМ БОГА

«Автор»

2026

Nik A.

ШРАМ БОГА / А. Nik — «Автор», 2026 — (Резонанс Мира)

Максим умирал от неизлечимой болезни — и очнулся в чужом теле посреди разгромленного поля боя. Наемник Кайрен, чье лицо он теперь носит, погиб от удара, который должен был убить и его. А на предплечье проступила метка — печать, какой не видели даже при дворе высшей знати. У каждого уровня силы в этом мире есть цена, и платит ее не всегда тот, кто получает награду. Тридцать человек погибли на поле боя, чтобы дать Максиму эту метку, — и он узнаёт об этом слишком поздно, чтобы отказаться. За ним охотятся все: орден фанатиков, готовых истребить магию любой ценой; знатный дом, жаждущий контроля над силой; и сама Система — безликий механизм, перераспределяющий чужие жизни ради выживания расколотого мира. Чтобы остановить жертвы, Максиму предстоит понять природу Системы изнутри — и найти ответ, который сорок два года назад стоил жизни человеку, ставшему теперь его главным противником. Тёмное фэнтези о цене силы, чужой вине и втором шансе, который оказался тяжелее первого.

© Nik A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Поле	5
Глава 2. Псы без хозяина	8
Глава 3. Сорочий брод	11
Глава 4. Цена монеты	14
Глава 5. Дорога на восток	17
Глава 6. Лес без троп	20
Глава 7. Пепелище	22
Глава 8. Тень на дороге	25
Глава 9. Вардхольм	28
Глава 10. Записи летописца	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Aleksey Nik

ШРАМ БОГА

Глава 1. Поле

Дождь шёл третий день подряд, и от этого земля превратилась в чёрное месиво, в котором вязли сапоги, копыта и колёса телег. Максим не знал, что это дождь. Он не знал вообще ничего, кроме одного — боли в груди, тупой и глубокой, будто кто-то вбил в него клин и забыл вытащить.

Он открыл глаза. Небо было серым, низким, и по нему медленно плыл дым.

— Не двигайся, — сказал кто-то рядом. Голос был мужской, хриплый, усталый. — Наступишь на своё же нутро — не соберёшь обратно.

Максим повернул голову. Рядом на коленях сидел человек в порванной кольчуге, с лицом, наполовину скрытым коркой засохшей крови. Руки у него были заняты — он затягивал жгут на чужой ноге, не глядя на Максима, будто разговаривал не с ним, а с самим воздухом.

— Кто ты? — спросил Максим. Голос вышел чужим. Не его. Ниже, грубее.

— Дренн. Из «Псов». Ты меня не помнишь, потому что тебя контузило, а не потому что я вру. Лежи.

Максим попытался поднять руку и посмотреть на неё. Рука была не его — шире в кости, в шрамах, с чёрным ободком грязи под каждым ногтем. Он сжал пальцы в кулак. Пальцы послушались.

— Где я? — спросил он.

— На поле, — ответил Дренн. — Там же, где и час назад. Только теперь живых меньше.

Он наконец поднял взгляд, и Максим увидел в его глазах не сочувствие, а расчёт — быстрый, холодный, привычный. Расчёт человека, который слишком много раз считал, сколько друзей осталось в живых, чтобы теперь позволить себе чувство.

— Ты можешь встать? — спросил Дренн.

— Не знаю.

— Тогда узнай. Быстро. Через десять минут сюда придут собирать трофеи, и им всё равно, дышишь ты ещё или нет.

Максим уперся локтем в грязь и приподнялся. Грудь отозвалась новой волной боли, но не той резкой, что бывает при переломе, — тупой, тянущей, будто память о ране, а не сама

рана. Он опустил взгляд на собственное тело. Кожаный нагрудник был рассечён наискось, из-под него виднелась полоса свежего шрама — розового, уже затянутого.

Он должен был умереть. Он это чувствовал так же ясно, как чувствовал землю под ладонями.

— У тебя было плохое утро, — сказал Дренн, будто прочитав его мысли. — Ты поймал заклинание Раскола прямо в грудь. Такое не переживают.

— Но я жив.

— Это первое, что мне в тебе не нравится, — сказал Дренн без улыбки. — Второе — вот это.

Он кивнул на предплечье Максима. Там, где раньше, видимо, ничего не было, теперь темнела линия — тонкая, будто выжженная тушью под кожей, сплетающаяся в узор, отдалённо похожий на трещину в стекле.

— Что это? — спросил Максим.

— Печать. У тебя был третий уровень вчера. Я лично видел твою метку на плече — три чёрточки, обычный наёмничий разряд. — Дренн взял его за запястье и повернул руку к свету. — Сейчас здесь то, чего я не видел ни у кого. Ни у капитана. Ни у самого лорда-командующего.

Максим посмотрел на узор. Что-то в его сознании — не в теле, а именно в сознании, в той части, что помнила клавиатуру, код, отладчик — узнало в этом рисунке нечто до боли знакомое. Не магию. Интерфейс.

Перед глазами, будто в воздухе, без всякого экрана и без всякой поверхности, возникла строка:

СИСТЕМА: обнаружена аномалия резонанса. Классификация: ОТКАЗАНО. Повторная попытка через 23:59:58.

Максим моргнул. Строка исчезла.

— Ты побледнел, — сказал Дренн. — Видишь что-то?

— Строку текста, — сказал Максим и тут же понял, как глупо это прозвучало вслух.

— Уведомление? — Дренн прищурился. — Кайрен, ты никогда не рассказывал мне, что видишь уведомления Системы без вызова. Это не бывает просто так.

Имя. Кайрен. Максим повторил его про себя, пробуя на вкус, как чужую одежду.

— Долго рассказывать, — сказал он.

— У нас есть максимум пять минут, — ответил Дренн, поднимаясь и протягивая руку. — Потом расскажешь всё, что вспомнишь. Сейчас нам нужно уйти отсюда, пока трофейщики не решили, что ты — часть добычи, а не человек.

Максим взял протянутую руку. Пальцы Дренна оказались неожиданно крепкими для такого измождённого лица.

— Куда идём? — спросил он, вставая. Ноги держали. Это уже было что-то.

— Туда, где нас не будут искать ни свои, ни чужие, — сказал Дренн, закидывая на плечо чей-то брошенный щит. — Хотя, глядя на твою руку, боюсь, что искать тебя будут очень скоро. И очень многие.

Он не стал дожидаться ответа. Развернулся и пошёл через грязь, туда, где дым становился гуще, а голоса — тише. Максим постоял секунду, глядя на линию шрама на предплечье, потом сжал челюсти и пошёл следом.

Дождь усилился. Где-то за спиной, среди тел, началось движение — глухой стук лопат, скрип телег, обрывки чужой речи. Он не обернулся.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава 2. Псы без хозяина

Они шли почти час, прежде чем Дренн остановился у полуразрушенной мельницы, чьи лопасти давно сгнили и обвалились в ров. Внутри пахло сыростью, мышами и старой соломой. У стены сидели трое — двое мужчин и женщина, все в такой же изодранной броне, как у Дренна.

— Живой, — сказала женщина, глядя на Максима так, будто он был не человеком, а неудобным фактом. — Хвала богам, у нас проблем и без воскресших покойников хватало.

— Он не воскрес, Ирса, — сказал Дренн, снимая с плеча щит и бросая его в угол. — Он выжил. Это разные вещи.

— С заклинанием Раскола в грудь эти вещи одинаковые, — ответила Ирса, не сводя глаз с Максима. У неё было узкое, обветренное лицо и короткие, неровно обрезанные волосы — видимо, ножом, а не ножницами. — Покажи руку.

Максим не двинулся.

— Покажи руку, Кайрен, — повторила она тише, и в этот раз это прозвучало не как просьба.

Он вытянул предплечье. Один из мужчин, крупный, с перебитым носом, присвистнул.

— Это что за печать? — спросил он. — Я такой не видел.

— Никто не видел, — сказал Дренн. — Я тоже. Поэтому мы здесь, а не докладываем капитану.

— Капитана больше нет, — сказала Ирса ровным голосом. — Я проверила лагерь, пока вы возились на поле. Шатёр сожжён, знамя сорвано. «Псов» больше нет, Дренн. Есть мы, четверо, и он.

— Пятеро, — поправил её мужчина с перебитым носом. — Не забывай считать.

— Я и не забываю. Просто не уверена, что он — это по-прежнему один из нас.

Максим слушал этот разговор, стоя чуть в стороне, и чувствовал себя человеком, читающим переписку коллег, которых видит впервые в жизни. Он не знал этих людей. Не знал их истории, их счетов друг к другу, их причин доверять или не доверять. Но он умел слушать интонации — и слышал в голосе Ирсы не враждебность, а страх, тщательно упакованный в грубость.

— Вы боитесь меня, — сказал он.

Все четверо посмотрели на него одновременно.

— Мы боимся того, что случилось с тобой, — сказал Дренн. — Это разные вещи, Кайрен, я же сказал.

— Хватит звать меня Кайреном, — вырвалось у Максима прежде, чем он успел подумать. — Это... — Он замолчал, подбирая слова. — Это не совсем моё имя.

Тишина в мельнице стала плотной.

— Объяснись, — сказала Ирса, и рука её как бы невзначай легла на рукоять ножа у пояса.

— Я не знаю, как объяснить так, чтобы вы поверили, — сказал Максим. — Я помню другую жизнь. Другое тело. Я умирал там, и очнулся здесь, в этом теле, на этом поле.

— Демон, — коротко сказал мужчина с перебитым носом и начал подниматься.

— Сядь, Горт, — оборвал его Дренн, не повышая голоса. — Если бы демон хотел нас убить, он бы не тратил время на разговоры у мельницы. Он бы уже это сделал.

— Или он хитрее, чем ты думаешь, — сказал Горт, но всё же сел обратно.

— Я не демон, — сказал Максим. — Я даже не знаю, как это объяснить лучше. У меня в старой жизни была болезнь. Я умирал медленно, и знал об этом. А потом — вот это.

Ирса убрала руку от ножа, но взгляд её не смягчился.

— Допустим, я тебе верю, — сказала она. — Хотя бы наполовину. Что это меняет? Печать всё равно на твоей руке. Уведомления Системы всё равно приходят тебе, а не мне. И через два дня об этом узнает Дом Веральд — потому что такие вещи не остаются в секрете.

— Почему Дом Веральд? — спросил Максим.

Дренн и Ирса переглянулись — быстро, но Максим успел это заметить.

— Потому что они присылали наблюдателя на битву, — сказал Дренн. — И наблюдатель, скорее всего, уже видел твою метку до того, как ты её сам увидел.

— Значит, у нас мало времени, — сказал Максим.

— У нас его вообще нет, — сказала Ирса и впервые за весь разговор посмотрела на него не как на угрозу, а как на задачу, которую придётся решать. — Дренн, ты уверен, что нам нужно тащить его с собой?

— Уверен, — сказал Дренн. — Потому что если мы его бросим, а Веральды его найдут первыми, следующий вопрос будет — что мы знали и когда. А на этот вопрос у нас нет хорошего ответа.

Горт хмыкнул.

— Впервые слышу, чтобы ты вёл счёт не по чести, а по выгоде, Дренн.

— Я веду счёт по тому, что нас останется в живых больше, — ответил Дренн. — Честь можно обсудить потом, если будет кому обсуждать.

Максим посмотрел на них по очереди — на Дренна с его усталой прямотой, на Ирсу с её осторожным расчётом, на Горта, всё ещё готового вскочить при первом неверном движении, и на четвёртого, до сих пор молчавшего худого юношу у стены, который не сводил глаз с его руки.

— Как тебя зовут? — спросил Максим у юноши.

— Тевин, — тихо ответил тот. — Я не боюсь тебя. Просто никогда не видел такую метку.

— Я тоже, — сказал Максим. — Пока сегодня утром.

Тевин чуть улыбнулся — впервые за весь разговор кто-то в этой комнате улыбнулся хоть чему-то.

— Значит, будем разбираться вместе, — сказал он.

— Разбираться будем на ходу, — оборвала его Ирса, поднимаясь. — Мельница — не убежище, это ловушка с одной дверью. Уходим на юг, к Сорочьему броду, там хотя бы можно затеряться в толпе беженцев.

— А если Веральды уже перекрыли дорогу? — спросил Горт.

— Тогда мы об этом узнаем раньше, чем умрём, — ответила Ирса. — Это лучшее, что я могу тебе обещать.

Она первой вышла наружу, в дождь, который так и не прекратился. Остальные потянулись следом. Максим задержался на пороге на секунду, глядя на свою руку, на тёмную линию узора под кожей.

— Идёшь? — спросил Дренн, не оборачиваясь.

— Иду, — сказал Максим и шагнул под дождь.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава 3. Сорочий брод

К вечеру дождь перешёл в мелкую морось, а дорога на юг наполнилась людьми. Телеги с домашним скарбом, женщины с детьми на руках, старики, опирающиеся на палки, — все они двигались в одну сторону, не глядя друг на друга, будто общее направление было единственным, что у них осталось.

— Держись ближе, — сказала Ирса, беря Максима за локоть и вплетая его в поток беженцев. — Одинокий мужчина с военной выправкой привлекает внимание. Мужчина в толпе — нет.

— Куда они все идут? — спросил Максим.

— Туда же, куда и мы. Подальше от того, что осталось на поле, — ответила Ирса. — Слухи разлетаются быстрее, чем армии передвигаются. К утру весь южный край будет знать, что Дом Веральд разбил наёмничьи роты у Сивого леса.

— Разбил, — повторил Максим. — Не просто выиграл битву?

— Есть разница между тем, чтобы выиграть, и тем, чтобы не оставить противнику ни знамени, ни капитана, ни причины возвращаться, — сказал Дренн, шагавший с другой стороны. — Веральды выбрали второе.

Максим промолчал, обдумывая это. В прошлой жизни у него было слово для того, что он сейчас видел, — зачистка, а не победа. Но говорить это вслух здесь, среди людей, которые ещё сегодня утром теряли своих, казалось неуместным.

— Ты сказал, наблюдатель Веральдов видел мою метку, — сказал он Дренну. — Что вообще делает наблюдатель на битве, если он не сражается?

— Считает, — ответил Дренн. — Дом Веральд ведёт учёт всех аномальных всплесков резонанса на континенте. У них есть люди, чья единственная работа — стоять в стороне и записывать, кто и как получил уровень, кто нарушил обычный порядок роста. Твоя метка — это ровно то, ради чего они держат таких людей на каждой крупной битве.

— Зачем им это?

— Затем, что Дом Веральд построил свою власть на утверждении, что чистота класса передаётся кровью, — сказала Ирса, понижая голос, хотя вокруг было достаточно шумно, чтобы их не подслушали. — Благородные рождаются с редкими классами, простолюдины — с обрубленными. Так они объясняют, почему один человек командует, а другой копает рвы. А теперь представь, что где-то на поле боя обычный наёмник третьего уровня за одну ночь получает метку, какой не видели даже у лорда-командующего.

— Это разрушает их объяснение, — сказал Максим.

— Это разрушает весь их порядок, — поправила Ирса. — И такие вещи Дома Веральд не оставляют без внимания. Либо они захотят изучить тебя, либо захотят, чтобы тебя никогда не существовало. Оба варианта заканчиваются для тебя плохо.

Тевин, шедший чуть позади, наконец подал голос.

— А если он не аномалия? — спросил он. — Что если это просто... ошибка Системы?

— Тогда нам всем крупно повезло, — сказал Горт, — потому что ошибка Системы — это то, что убило половину роты сегодня утром.

Максим резко повернул голову.

— Что ты имеешь в виду?

Горт бросил взгляд на Дренна, будто спрашивая разрешения, и тот коротко кивнул.

— Перед тем как ты очнулся, — сказал Горт, — на середине боя случилось нечто, чего ни один из нас раньше не видел. Заклинание Раскола — то самое, что должно было тебя убить, — ударило не только по тебе. Оно прошло через весь строй, будто через открытую дверь. Тридцать человек упали одновременно. Не от вражеских клинков. Просто упали.

— Как будто их отключили, — тихо добавил Тевин.

Максим замедлил шаг. Слово, которое использовал Тевин, было слишком точным, слишком знакомым для случайного совпадения — но он тут же одёрнул себя: это могло быть просто совпадением языка, не более.

— И вы думаете, это связано со мной, — сказал он.

— Мы думаем, что ты — единственный, кто выжил в эпицентре, — сказала Ирса. — А выжившие в эпицентре обычно знают больше, чем им кажется.

— Я ничего не помню про сам удар, — сказал Максим честно. — Только боль. И темноту. И потом — поле, дождь, твой голос, Дренн.

— Значит, будем разбираться постепенно, — сказал Дренн. — Не всё сразу.

Впереди, там, где дорога спускалась к реке, показались огни Сорочьего брода — не города, а разросшегося перевалочного посёлка, набитого беженцами, торговцами и всеми, кому нужно было пересечь реку, не привлекая внимания властей. У моста стояла стража — не военная, а наёмная, из тех, что продают проход тому, кто платит, и создают проблемы тому, кто не платит.

— У нас нет денег на мост, — заметил Тевин.

— У нас есть кое-что получше, — сказала Ирса и, к удивлению Максима, чуть улыбнулась впервые за весь день. — У нас есть я.

Она отделилась от группы и направилась прямо к страже, на ходу вытаскивая из-за пазухи что-то, блеснувшее металлом. Дренн проводил её взглядом и повернулся к Максиму.

— Не спрашивай, — сказал он. — Просто иди и не привлекай внимания.

— Даже не собирался, — ответил Максим, и, к своему собственному удивлению, поймал себя на том, что в этот момент — впервые за весь бесконечный день — почувствовал что-то похожее на облегчение. Не безопасность. Просто на секунду — что рядом есть люди, которые пока не спешат его убивать.

Они подошли к мосту следом за Ирсой, стараясь держаться в толпе. Стражник у шлагбаума взглянул на неё, на монету в её руке, кивнул и махнул рукой пропускать.

— Быстро, — шепнула Ирса, поравнявшись с остальными. — Пока он не передумал или не пришёл кто-то, кто спросит лишнее.

Они пересекли мост в молчании, среди скрипа телег и плача усталых детей, и на другом берегу дорога темнела впереди, уводя дальше на юг, туда, где, как надеялся Максим, у него будет хотя бы немного времени, чтобы понять, во что он превратился.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава 4. Цена монеты

За мостом Сорочий брод разрастался в лабиринт наспех сколоченных навесов, повозок, превращённых в лавки, и костров, вокруг которых сидели те, кому не хватило места под крышей. Пахло дымом, мокрой шерстью и рыбой, которую жарили прямо на углях, не разделявая толком.

Ирса нашла для них угол за одним из амбаров, где составленные бочки создавали что-то вроде укрытия от ветра и лишних глаз.

— Сидим здесь до утра, — сказала она. — Ночью через посёлок ходят люди Дома Веральд, проверяют беженцев. Если будем двигаться в темноте, привлечём больше внимания, чем если затихнем.

— У тебя, кажется, было чем заплатить страже, — сказал Максим, садясь у стены амбара. — Хотя минуту назад ты говорила, что денег у нас нет.

— Денег и правда нет, — ответила Ирса, доставая тот самый блеснувший предмет — тонкое серебряное кольцо с гравировкой. — Это не деньги. Это долг, который мне были должны, и я его наконец обналачила.

— Чей долг?

— Не твоё дело, Кайрен, — сказала она, но без прежней резкости, скорее по привычке.

— Меня зовут Максим, — сказал он тихо.

Все на секунду замолчали. Горт, растапливающий небольшой костерок из подобранных щепок, поднял взгляд.

— Максим, — повторил он, будто пробуя слово на вкус. — Не местное имя.

— Не местное, — согласился Максим.

— Ты так и не рассказал, откуда ты, — сказал Тевин, подсаживаясь ближе. Он смотрел на Максима не с подозрением, как Ирса, и не с настороженностью, как Горт, а с чем-то похожим на любопытство подростка, увидевшего невиданного зверя.

— Я не уверен, что смогу объяснить так, чтобы это звучало не как бред, — сказал Максим.

— У нас был день, полный вещей, которые звучат как бред, — заметил Дренн, садясь напротив. — Один бред больше — не страшно.

Максим посмотрел на огонь, на лица людей вокруг — усталые, настороженные, но слушающие. И решил, что если он хочет, чтобы они ему доверяли, придётся начать с малого.

— Там, откуда я родом, нет магии, — сказал он. — Есть механизмы. Машины, которые двигаются без лошадей, здания выше самых высоких башен, которые вы видели. И есть болезни, от которых не помогает никакая целительная магия — просто потому, что магии там нет вовсе.

— И ты болел, — сказала Ирса, не спрашивая, а утверждая.

— Я умирал, — сказал Максим. — Медленно. У меня было время привыкнуть к этой мысли. А потом — темнота, и я открыл глаза здесь.

— В теле человека, который тоже умирал, — тихо сказал Тевин.

Максим посмотрел на него.

— Ты знал Кайрена, — сказал он не вопросом, а утверждением.

— Мы все его знали, — сказал Дренн. — Пять лет вместе. Он не был лучшим бойцом в роте, но был из тех, кто не бросает своих на середине боя, даже если это дорого стоит.

— Значит, я в долгу перед ним, — сказал Максим. — Прежде чем в долгу перед кем-то ещё.

Горт, до этого молчавший, вдруг фыркнул — не зло, скорее с горькой иронией.

— Забавно слышать это от человека, который занял его тело, — сказал он.

— Горт, — предупреждающе сказал Дренн.

— Нет, — сказал Максим, поднимая руку. — Он прав, задавать такой вопрос. Я бы на его месте задал тот же.

Он помолчал, подбирая слова.

— Я не выбирал это, — сказал он наконец. — Но раз уж я здесь, в его теле, с его именем, которое вы все произносите — я не собираюсь тратить эту жизнь на то, чтобы прятаться и молчать. Я хочу понять, что случилось на том поле. Не только со мной. С тридцатью людьми, которые упали без единого удара клинка.

Ирса долго смотрела на него через костёр, и в её взгляде впервые за день не было ни враждебности, ни расчёта — только усталое, тяжёлое внимание.

— Если ты действительно хочешь это выяснить, — сказала она, — тебе стоит знать одну вещь, прежде чем мы пойдём дальше.

— Какую? — спросил Максим.

— Кайрен искал ответы на похожий вопрос ещё до битвы, — сказала Ирса. — Он не рассказывал мне всего, но за неделю до Сивого леса он говорил, что нашёл нечто в старых

архивах роты — что-то про предыдущие случаи, когда Система давала сбои прямо посреди боя. И что если он прав, следующий сбой должен был случиться именно там, где мы сражались.

Максим замер.

— Он знал, — сказал он тихо. — Он знал, что это произойдёт.

— Мы не уверены, что он знал наверняка, — сказал Дренн. — Но он что-то подозревал. И, возможно, именно поэтому оказался в эпицентре, а не в стороне, как большинство из нас.

— Значит, мне нужно найти эти архивы, — сказал Максим.

— Архивы роты сгорели вместе с шатром капитана, — сказала Ирса. — Но Кайрен не был настолько глуп, чтобы держать единственную копию важных записей на виду. Если он что-то нашёл, у него должен быть тайник.

— Ты знаешь, где искать? — спросил Максим.

Ирса покачала головой.

— Нет. Но я знаю, кто может знать, — сказала она. — Летописец роты, старик по имени Освальд. Он не сражался при Сивом лесе — остался в тыловом лагере на пару дней раньше по болезни. Если Кайрен кому-то доверял хранить свои записи, это был бы он.

— Тогда нам нужно найти этого Освальда, — сказал Максим.

— Тыловой лагерь был к востоку от брода, в трёх днях пути, — сказал Дренн. — Если он жив и не разбежался вместе с остальными, мы найдём его там.

— Три дня, — повторил Горт, качая головой. — Три дня по земле, которую сейчас прочёсывают люди Дома Веральд в поисках всех, кто хоть как-то связан с разгромленной ротой. Ты понимаешь, что мы делаем ставку на жизнь всех пятерых ради одного старика, который может быть уже мёртв?

— Понимаю, — сказал Дренн спокойно. — Есть другое предложение?

Горт не ответил. Он смотрел в огонь, и на его лице читалась не злость, а усталость человека, слишком много раз делавшего ставки, которые не окупались.

— Тогда решено, — сказал Дренн. — На рассвете идём на восток.

Максим кивнул, глядя на пламя костра, и впервые за день позволил себе задуматься не о том, как выжить следующий час, а о том, что найдёт, если доберётся до конца этой дороги.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава 5. Дорога на восток

Рассвет выдался холодным и ясным — впервые за три дня небо расчистилось от туч. Они вышли из Сорочьего брода до того, как проснулась основная масса лагеря, и свернули на восточную тропу, узкую, заросшую по краям, которой явно пользовались нечасто.

— Здесь нас точно не найдут, — сказал Тевин, оглядывая заросли по сторонам.

— Здесь нас никто не найдёт, потому что искать здесь некого, — отозвалась Иrsa. — Это не преимущество, а риск. Если что-то случится, помощи ждать неоткуда.

Максим шёл в середине группы, пробуя привыкнуть к телу, которое теперь называл своим. Шаг Кайрена был шире, чем у Максима, мышцы отзывались иначе — быстрее, но с непривычной резкостью, будто тело помнило движения, которых сам Максим никогда не совершал.

— У тебя странная походка, — заметил Дренн, шагавший рядом. — Будто ты заново учишься ходить.

— Так и есть, — признался Максим. — Тело помнит вещи, которые я не помню. Иногда рука тянется к оружию раньше, чем я успеваю подумать об опасности.

— Это может спасти тебе жизнь, — сказал Дренн.

— Или выдать меня, если я не пойму, что делаю, — ответил Максим.

Дренн на мгновение задумался.

— Покажи мне, как ты держишь клинок, — сказал он, доставая свой короткий меч и протягивая его рукоятью вперёд.

Максим взял оружие. Рука сама легла на рукоять привычным хватом, пальцы нашли нужное положение без всякого сознательного усилия.

— Хорошо, — сказал Дренн, наблюдая. — Стойку.

Максим не думал об этом — тело сместилось само, вес переместился на заднюю ногу, плечи развернулись под нужным углом.

— Достаточно, — сказал Дренн, забирая меч обратно. — Твоё тело знает, что делает, даже если ты сам не знаешь. Это хорошая новость.

— А плохая? — спросил Максим.

— Плохая в том, что бой — это не только стойка и хват, — ответил Дренн. — Это ещё и решения за долю секунды. А те решения принимает не тело. Их принимаешь ты.

Максим кивнул, обдумывая это. В этом была своя логика — логика, знакомая ему по прошлой жизни, когда он писал код и знал, что даже самая совершенная система рухнет в момент, требующий не автоматике, а суждения.

— Расскажи мне про Кайрена, — попросил он после паузы. — Каким он был.

Дренн промолчал несколько шагов, будто взвешивая, стоит ли отвечать.

— Упрямым, — сказал он наконец. — Не самым сильным в роте, не самым быстрым. Но он никогда не сдавался на середине задачи, даже когда было проще сдаться. Однажды мы попали в засаду у Чёрного ручья — потеряли половину отряда за час. Кайрен вытащил троих раненых на себе, хотя сам был ранен не меньше их.

— Похоже, он был хорошим человеком, — сказал Максим.

— Он был живым человеком, — поправил Дренн. — С ошибками, с обидами, с долгами, которые не успел отдать. Не превращай его в святого только потому, что носишь теперь его лицо.

Слова прозвучали резче, чем, видимо, задумывал Дренн, и он тут же смягчил тон.

— Извини, — сказал он. — Просто тяжело говорить о человеке в прошедшем времени, когда он идёт рядом со мной.

— Я понимаю, — сказал Максим. — Мне тоже тяжело говорить о себе в прошедшем времени. У меня там осталась жизнь, которую я не успел дожить.

Дренн взглянул на него внимательнее.

— Расскажи, — сказал он. — Раз уж мы теперь идём три дня по одной тропе, всё равно узнаем друг о друге больше, чем хотели бы.

Максим долго молчал, подбирая слова, которые имели бы смысл в мире без машин и городов из стекла и стали.

— У меня была дочь, — сказал он наконец. — Маленькая. Я не успел увидеть, какой она станет, когда вырастет.

Дренн ничего не ответил, но его взгляд смягчился — не жалостью, а тем узнаванием, которое возникает между людьми, потерявшими что-то похожее.

— У меня был брат, — сказал он через несколько шагов. — Погиб в первой моей битве. Я тогда поклялся, что каждый, кто идёт со мной в бой, вернётся домой хоть в каком-то виде. Не всегда получается сдержать эту клятву.

— Но ты пытаешься, — сказал Максим.

— Пытаюсь, — согласился Дренн. — Иногда это единственное, что у меня остаётся.

Впереди тропа сузилась ещё больше, ныряя в густой лес, где солнечный свет с трудом пробивался сквозь кроны. Ирса, шедшая впереди, вдруг подняла руку, останавливая группу.

— Что там? — тихо спросил Горт.

— Следы, — сказала Ирса, присев у обочины тропы. — Свежие. Не менее десяти человек, и не крестьяне — походка слишком ровная, шаг слишком дисциплинированный.

— Военные, — сказал Дренн, подходя ближе и разглядывая след.

— Или люди Веральдов, — добавила Ирса, поднимая взгляд на Максима. — Похоже, они начали прочёсывать эту дорогу раньше, чем я рассчитывала.

Максим почувствовал, как рука сама потянулась к рукояти оружия — движение, которое он не выбирал, но которое, судя по всему, было единственно верным.

— Что делаем? — спросил он.

— Уходим с тропы, — сказала Ирса, поднимаясь. — Через лес будет медленнее, но безопаснее. Если это разведчики Веральдов, они идут той же дорогой, что и мы, значит, знают о тыловом лагере не хуже нас.

— Значит, мы можем не успеть первыми, — сказал Тевин.

— Значит, нам придётся поторопиться, — ответила Ирса и первой шагнула в чащу, туда, где тропы не было вовсе.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава 6. Лес без троп

Лес встретил их густым переплетением веток, сквозь которое приходилось буквально продираться, и уже через час пути одежда всех пятерых была изодрана колючим кустарником. Ирса шла впереди, читая местность так, как другие читают книгу — по едва заметным изменениям в растительности, по направлению сломанных веток, по влажности мха на стволах.

— Мы теряем время, — сказал Горт, останавливаясь, чтобы отдышаться. — Через лес мы идём вдвое медленнее.

— Через лес нас не найдут, — ответила Ирса, не оборачиваясь. — Выбирай.

— Я выбираю не умереть от усталости раньше, чем нас найдут враги, — пробормотал Горт, но пошёл дальше.

Максим держался рядом с Тевинем, который, несмотря на юный возраст, двигался по пересечённой местности увереннее многих взрослых — сказывалась, видимо, привычка.

— Ты давно в роте? — спросил Максим.

— Два года, — ответил Тевин. — Пришёл, когда мне было четырнадцать. Соврал про возраст, конечно, но Кайрен быстро понял правду. Он мог сдать меня, отправить домой. Вместо этого начал учить меня сам.

— Почему?

Тевин пожал плечами, перепрыгивая через поваленный ствол.

— Он сказал, что если я всё равно сбегу на следующую войну, лучше, чтобы меня учил кто-то, кто хочет, чтобы я выжил, а не первый встречный вербовщик, которому плевать.

Максим посмотрел на юношу внимательнее. В этом коротком объяснении было больше о характере Кайрена, чем во всех предыдущих разговорах.

— Похоже, он о многих заботился, — сказал Максим.

— Он говорил, что забота — единственное, что не отнимает Система, — сказал Тевин. — Уровень можно потерять. Класс можно перековать. А то, что ты сделал для другого человека, остаётся сделанным навсегда.

Слова юноши, пересказывающего чужую философию, отозвались в Максиме странным эхом — он узнавал в них не мистику, а простую человеческую этику, ту же самую, что была важна ему в прошлой жизни, только облечённую в слова этого мира.

Впереди Ирса снова подняла руку, останавливая группу. На этот раз её лицо было напряжённым.

— Дым, — сказала она тихо. — Впереди, за холмом.

— Костёр? — спросил Дренн.

— Слишком большой для костра, — ответила Ирса. — Больше похоже на пожар.

Они поднялись на невысокий холм осторожно, пригибаясь под ветками, и оттуда, сквозь редящие деревья, открылся вид на долину. Внизу, там, где по описанию Дренна должен был находиться тыловой лагерь роты, поднимался густой чёрный дым.

— Нет, — тихо выдохнул Тевин.

— Мы не знаем, что там случилось, — сказал Дренн, хотя его голос звучал напряжённо. — Может быть, это не лагерь.

— Это лагерь, — сказала Ирса ровно. — Я узнаю расположение по руслу ручья. Это он.

Максим смотрел на дым, чувствуя, как внутри — не в теле, а где-то глубже — нарастает холодная, знакомая тяжесть. Он видел похожее чувство у себя, когда получал плохие новости, требующие немедленного действия, а не паники.

— Нужно спуститься и посмотреть, — сказал он. — Может быть, старик успел уйти.

— Или это ловушка, устроенная специально для тех, кто придёт искать выживших, — сказал Горт.

— Тогда мы будем осторожны, — ответил Дренн. — Но мы не уйдём, не проверив.

Ирса кивнула, соглашаясь, хотя по её лицу было видно, что она уже почти не сомневается в том, что они найдут внизу.

— Идём в обход, через северный склон, — сказала она. — Там гуще подлесок, легче остаться незамеченными.

Они начали спуск, и с каждым шагом запах гари становился сильнее, смешиваясь с запахом дождя и мокрой земли. Максим шёл молча, стараясь подготовить себя к тому, что мог увидеть внизу, зная при этом, что никакая подготовка не бывает достаточной.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава 7. Пепелище

То, что осталось от тылового лагеря, было пепелищем в самом буквальном смысле — обугленные каркасы палаток, почерневшая земля, редкие столбы дыма, поднимающиеся от тлеющих остовов повозок. Тел они не увидели — ни одного, что само по себе казалось странным.

— Здесь были люди, — сказала Ирса, присев у одного из кострищ и разглядывая землю. — Судя по следам, лагерь эвакуировали до пожара, а не сожгли вместе с людьми.

— Ты уверена? — спросил Дренн.

— Достаточно уверена, — ответила она. — Следы уходят на восток, группами, без признаков паники или боя. Это было организованное отступление, а не резня.

Максим почувствовал, как напряжение в груди немного отпустило — не до конца, но достаточно, чтобы дышать свободнее.

— Значит, старик мог уйти вместе с остальными, — сказал он.

— Мог, — согласилась Ирса. — Но кто сжёг лагерь после того, как все ушли? И зачем?

Она поднялась и медленно пошла между обугленными остовами, разглядывая землю. Максим последовал за ней, и вскоре они оба остановились у того, что раньше, судя по всему, было большим шатром — возможно, штабным.

— Здесь копали, — сказала Ирса, указывая на свежевзрыхлённую землю рядом с пепелищем. — Не хоронили. Искали что-то.

— Тайник Кайрена, — сказал Максим тихо.

— Возможно, — ответила Ирса. — Или просто обычный грабёж после отступления. Такое случается.

Дренн подошёл к ним, оглядывая раскопанную землю.

— Если это был грабёж, зачем потом жечь весь лагерь? — спросил он. — Обычные мародёры не станут тратить время на поджог, когда можно просто унести добычу и уйти.

— Значит, кто-то хотел, чтобы здесь ничего не осталось, — сказал Максим. — Даже следов того, что искали.

Он опустился на колени у раскопанной земли, разглядывая её внимательнее. Что-то блеснуло в грязи — маленький металлический предмет, наполовину вдавленный в землю. Максим выкопал его пальцами и поднял к свету.

Это была печать — простая, латунная, с выгравированным на ней символом пера и щита.

— Это печать летописца, — сказала Ирса, узнавая символ. — Личная печать Освальда.

— Значит, он был здесь, когда это случилось, — сказал Максим.

— Или её просто обронули, пока копали, — заметил Дренн, но по его голосу было ясно, что он не очень верит в эту версию.

Тевин, стоявший в стороне и осматривавший периметр лагеря, вдруг окликнул их.

— Здесь кровь! — крикнул он, указывая на землю у одного из обгоревших столбов.

Все поспешили к нему. Пятно действительно было — тёмное, уже подсохшее, но безошибочно узнаваемое.

— Немного, — сказала Ирса, присаживаясь рядом. — Не смертельная рана. Кто-то был ранен здесь, но, судя по всему, ушёл на своих ногах.

— Освальд? — спросил Тевин.

— Не могу сказать наверняка, — ответила Ирса. — Но если это он, то он был жив, когда покидал лагерь. Это уже кое-что.

Максим сжал печать в кулаке, ощущая её холодный металл на ладони.

— Куда ведут следы отступления? — спросил он.

— На восток, к малому тракту, — сказала Ирса, поднимаясь и оглядывая горизонт. — Оттуда дорога расходится в двух направлениях — на Вардхольм, крупный город с гарнизоном, или в сторону предгорий, где почти никто не живёт.

— Куда бы ты пошла на месте отступающего обоза с ранеными? — спросил Дренн.

— В Вардхольм, — сказала Ирса без колебаний. — Предгорья — это смерть от голода для тех, кто не готовился заранее.

— Значит, идём в Вардхольм, — сказал Максим.

Горт, до этого молчавший, издал короткий, невесёлый смешок.

— Вардхольм — город под властью Дома Веральд, — сказал он. — Мы буквально идём прямо в пасть тем, от кого убегаем.

— У тебя есть идея получше? — спросила Ирса.

Горт не ответил. Он посмотрел на пепелище, на дым, всё ещё поднимающийся к серому небу, и медленно покачал головой.

— Нет, — сказал он наконец. — Просто хочу, чтобы кто-то признал, насколько это плохая идея, прежде чем мы в неё ввяжемся.

— Признано, — сказал Дренн ровно. — Идём в Вардхольм.

Они покинули пепелище тем же путём, каким пришли, и Максим, оглянувшись напоследок, поймал себя на мысли, что печать в его кулаке — первое реальное доказательство того, что предыдущий владелец его тела действительно что-то нашёл. Что-то, ради чего стоило умереть.

Оставалось выяснить, стоило ли ради этого жить дальше.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава 8. Тень на дороге

Малый тракт оказался узкой, но хорошо утоптанной дорогой, явно используемой не первый год. Следы отступавшего обоза здесь смешивались со следами других путников, и Ирса вскоре призналась, что больше не может с уверенностью сказать, куда именно свернули люди из лагеря.

— Идём в Вардхольм, — сказала она. — Если Освальд там, мы его найдём. Если нет — придумаем следующий шаг.

Они шли весь день, стараясь держаться среди редких групп путников, чтобы не выделяться. К вечеру, когда солнце начало клониться к закату, Дренн вдруг замедлил шаг и поднял руку, останавливая остальных.

— Что такое? — тихо спросил Максим.

— За нами, — сказал Дренн, не оборачиваясь. — Уже около часа. Сначала думал, что показалось. Теперь уверен.

— Кто? — спросила Ирса, напрягаясь.

— Один человек. Держится на расстоянии, не приближается, но и не отстаёт.

Горт незаметно положил руку на рукоять оружия.

— Проверим? — спросил он.

— Не здесь, — сказал Дренн. — Слишком много свидетелей. Свернём на боковую тропу через милю — если он последует, будем знать наверняка.

Они продолжили путь, стараясь не менять темп, пока дорога не разделилась, и Ирса не увела группу на едва заметную тропинку, уходящую в сторону от основного тракта. Через несколько минут Дренн снова подал знак остановиться.

— Идёт, — прошептал он.

Максим почувствовал, как тело само напряглось, готовясь к движению, — рефлекс, унаследованный вместе с телом, а не выработанный собственным опытом.

— Что делаем? — спросил он тихо.

— Ждём, — сказала Ирса. — Пусть подойдёт достаточно близко, чтобы мы могли его рассмотреть, прежде чем решать, драться или разговаривать.

Они укрылись за поворотом тропы, среди густого кустарника, и через минуту на дорожке показалась фигура — невысокая, закутанная в тёмный плащ,двигающаяся неторопливо, но уверенно, будто человек точно знал, куда идёт.

— Стоп, — тихо сказал Дренн, выходя навстречу с обнажённым клинком. — Дальше ни шагу.

Фигура остановилась. Из-под капюшона донёсся сухой, слегка насмешливый голос.

— Обнажённый клинок — не самое гостеприимное приветствие, Дренн, — сказала она, откидывая капюшон.

Это была женщина средних лет, с седеющими волосами, собранными в тугой узел, и лицом, изборождённым не столько возрастом, сколько усталостью многих трудных решений.

— Мирель, — выдохнул Дренн, опуская клинок, но не убирая его полностью. — Ты должна была быть в тыловом лагере.

— Была, — сказала она. — Пока он не сгорел. Теперь я иду туда же, куда, полагаю, идёте и вы — искать выживших и разбираться, что случилось.

— Ты нас выслеживала, — сказала Ирса, выходя из укрытия.

— Я вас заметила ещё у брода, — ответила Мирель спокойно. — Пятеро выживших из «Псов», идущих на восток вместо того, чтобы искать безопасность на юге вместе со всеми беженцами. Это заслуживало любопытства.

Максим вышел следом за остальными, и взгляд Мирель тут же остановился на нём — цепкий, оценивающий.

— А это, полагаю, и есть причина, по которой вы свернули с безопасной дороги, — сказала она.

— Ты знаешь Освальда? — спросил Максим, решив не тратить время на предисловия.

Мирель приподняла бровь.

— Знаю, — сказала она. — Он мой учитель. Я была его ученицей, прежде чем стать лекарем роты.

— Он жив? — спросила Ирса.

— Был жив, когда я видела его в последний раз, — сказала Мирель. — Раненый, но живой. Я помогла ему уйти из лагеря прежде, чем его нашли те, кто пришёл искать что-то среди наших вещей.

— Кто приходил? — спросил Дренн.

— Люди в серых плащах, без гербов, — сказала Мирель. — Не солдаты Дома Веральд — их я узнала бы. Кто-то другой.

Максим и Дренн переглянулись.

— Серые плащи, — повторил Максим. — Ты можешь их описать подробнее?

— Могу описать одно, — сказала Мирель, глядя на него внимательно. — У каждого на предплечье была метка — руна, похожая на разбитый круг. Я видела такую же руну однажды в старой книге Освальда, вместе со словом «Обнулённые».

В группе повисла тишина.

— Орден Обнулённых, — тихо сказал Тевин. — Я слышал о них истории у костров. Говорят, они охотятся за всеми, кто получает необычную силу, и уничтожают их, потому что верят, что вся магия — проклятие.

— Истории у костров не всегда врут, — сказала Мирель, снова взглянув на Максима. — Особенно если судить по тому, что я видела в лагере.

Максим почувствовал, как холод пробежал по спине — не от страха, а от осознания того, что круг охотников за ним, судя по всему, куда шире, чем он предполагал ещё утром.

— Куда ушёл Освальд? — спросил он.

— В Вардхольм, — сказала Мирель. — У него там знакомый, содержащий книжную лавку недалеко от южных ворот. Если он жив, он там.

— Значит, мы идём в верном направлении, — сказал Дренн.

— Значит, идём вместе, — поправила Мирель. — Раненому старику и книжной лавке понадобится лекарь, если дело обернётся плохо. А судя по тому, что я видела, оно обернётся плохо.

Дренн посмотрел на Ирсу, та коротко кивнула.

— Ладно, — сказал он. — Идём вместе. Но держи руки на виду, пока мы не убедимся, что тебе можно доверять полностью.

Мирель усмехнулась — устало, но без обиды.

— Справедливо, — сказала она и первой зашагала обратно к основной дороге, туда, где солнце уже почти скрылось за горизонтом, окрашивая небо в тревожный багровый цвет.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава 9. Вардхолм

Стены Вардхолма показались на горизонте на следующий день ближе к полудню — серые, высокие, с флагами Дома Веральд, безвольно повисшими в безветренную погоду. Город жил обычной жизнью, будто где-то за его пределами не рушились армии и не горели лагеря: у ворот толпились торговцы, стража лениво проверяла телеги, дети бегали между рядами лотков.

— Слишком спокойно, — заметил Горт, разглядывая ворота издалека.

— Или слишком хорошо охраняется, чтобы беспокоиться, — ответила Мирель. — У южных ворот меньше стражи. Пойдём туда.

Они обогнули город по широкой дуге, избегая главной дороги, и подошли к южным воротам, где, как и обещала Мирель, стража действительно казалась менее внимательной — двое усталых солдат, больше занятых разговором между собой, чем проверкой прохожих.

— Разделимся на пары, — сказала Ирса. — Так меньше шансов, что нас опознают как единую группу.

— Кто со мной? — спросил Максим.

— Я, — сказал Дренн. — Остальные пойдут следом с интервалом.

Максим и Дренн вошли в город первыми, стараясь двигаться неторопливо, как обычные путники. Стражник у ворот скользнул по ним равнодушным взглядом и махнул проходить, не задавая вопросов.

Внутри Вардхолм оказался шумным лабиринтом узких улиц, пропитанных запахом свежего хлеба, кожи и дыма кузниц. Максим держался ближе к Дренну, стараясь запомнить дорогу.

— Книжная лавка, о которой говорила Мирель, где-то здесь, — сказал Дренн, оглядываясь. — Подождём остальных на площади впереди.

Они дождались, пока Ирса, Горт, Тевин и Мирель по одному просочились через ворота и присоединились к ним на небольшой площади с пересохшим фонтаном в центре.

— Куда теперь? — спросил Максим у Мирель.

— Лавка называется «Перо и пепел», — сказала она. — Держит её человек по имени Кассий. Осторожный, но не трус. Если Освальд где-то прячется, скорее всего, там.

Они шли за Мирель через путаницу улочек, пока не оказались перед неприметной дверью с деревянной вывеской, на которой были вырезаны перо и небольшой костёр — символ, судя по всему, значивший что-то для тех, кто понимал.

Мирель постучала условным ритмом — три коротких удара, пауза, ещё два. Дверь приоткрылась на щёлку, из-за неё выглянул настороженный глаз.

— Мирель, — произнёс голос из-за двери с облегчением. — Живая. Хвала богам.

Дверь открылась полностью, впуская их внутрь. Человек, впустивший их — невысокий, лысеющий, с чернильными пятнами на пальцах — тут же запер дверь на засов.

— Кассий, — представила его Мирель остальным. — Он давно помогает роте с бумагами, когда нужна осторожность.

— Кто это с тобой? — спросил Кассий, оглядывая группу настороженно.

— Свои, — сказала Мирель. — Освальд здесь?

Кассий помедлил, потом кивнул в сторону задней комнаты.

— В подвале, — сказал он тихо. — Ранен, но жив. Отказывается говорить со мной, кто на него охотится, и это меня пугает больше, чем сама рана.

Мирель первой направилась к не приметной двери в углу лавки, ведущей вниз, в подвал, освещённый единственной масляной лампой. На узкой лежанке, среди книг и свитков, лежал старик — седой, с перевязанным плечом, и лицо его при виде вошедших сначала выразило тревогу, а затем, узнав Мирель, облегчение.

— Ты жива, — прошептал он.

— Жива, — сказала Мирель, опускаясь рядом и осматривая повязку. — И привела людей, которые ищут ответы, Освальд. Те же ответы, что искал Кайрен.

Взгляд старика метнулся к остальным, и остановился на Максиме — задержался дольше, чем на других, будто узнавая что-то знакомое в его лице.

— Ты не Кайрен, — сказал он тихо. — Хотя лицо его.

Максим замер.

— Откуда ты знаешь? — спросил он.

— Потому что я знаю, что искал настоящий Кайрен, — сказал Освальд, приподнимаясь на локте, несмотря на слабый протест Мирель. — И то, что он искал, объясняет, почему в его теле теперь оказался кто-то другой.

Все в комнате замолчали.

— Расскажи, — сказал Максим тихо. — Пожалуйста.

Освальд посмотрел на него долгим, изучающим взглядом, а затем медленно кивнул, будто принимая решение, которое откладывал слишком долго.

— Хорошо, — сказал он. — Но сначала запри дверь наверху покрепче, Кассий. То, что я собираюсь рассказать, стоило мне удара клинком в плечо. Не хочу, чтобы это стоило кому-то из нас головы.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава 10. Записи летописца

Кассий поднялся наверх проверить засов, а остальные расселись в тесном подвале, кто на сундуках, кто прямо на полу. Освальд, опираясь на подушку, начал говорить — медленно, будто каждое слово давалось ему с усилием, не физическим, а каким-то иным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.